

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2021 г. В. П. Бабинцев
г. Белгород, Россия

© 2021 г. Г. Н. Гайдукова
г. Белгород, Россия

© 2021 г. Ж. А. Шаповал
г. Белгород, Россия

РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОЙ ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ДИСКУРСЕ КОНЦЕПЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКОГО МЕТАБОЛИЗМА

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта «Социокультурные следствия формирования
урбанизированных социобиотехнических систем» (№ 19-011-00345)

Аннотация: Цель статьи заключается в выявлении эвристического потенциала концепции социально-экологического метаболизма (СЭМ) для исследования тенденций развития городской культуры. В рамках данной концепции современный город рассматривается как сложная социобиотехническая открытая система, изменения которой носят метаболический характер, т. е. осуществляются в четыре последовательных этапа: аккумуляция «веществ», их преобразование в ходе разложения «веществ» на простые и одновременного образования и потребления сложных «веществ»; выброс отходов в окружающую среду; их последующая трансформация. Эмпирическую базу работы составляют результаты социологического исследования «Социокультурные следствия формирования урбанизированных социобиотехнических систем», проведенного в городах Белгородской области в январе 2020 г. Исследование включало в себя анкетный опрос городского населения по методике квотной выборки ($n = 500$) и экспертный опрос ($n = 30$). Определяется круг проблем развития городской культуры, решению которых может способствовать применение концепции СЭМ. В их числе: анализ процесса вещественно-энергетического обмена в сфере культуры города и внешней среды; оценка влияния факторов технологизации и экологизации на развитие городской культуры; изучение феномена городского культурного мусора, представляющего собой невостребованные в данный момент или же потенциально и реально деструктивные продукты жизнедеятельности урбанизированного сообщества, сформировавшиеся в социокультурной сфере.

Ключевые слова: город, городская среда, урбанизированная среда, городская культура, социально-экологический метаболизм, культурный мусор, экология, технологизация культуры.

Информация об авторах:

Валентин Павлович Бабинцев — доктор философских наук, профессор, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, 308015 г. Белгород, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0112-6145>. E-mail: babintsev@bsu.edu.ru

Галина Николаевна Гайдукова — кандидат социологических наук, доцент, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, 308015 г. Белгород, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6300-9174>. E-mail: g_gaidukova@bsu.edu.ru

Жанна Александровна Шаповал — кандидат социологических наук, доцент, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, 308015 г. Белгород, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8069-9274>. E-mail: shapoval@bsu.edu.ru

Дата поступления статьи: 17.03.2020

Дата публикации: 28.06.2021

Для цитирования: Бабинцев В. П., Гайдукова Г. Н., Шаповал Ж. А. Развитие современной городской культуры в дискурсе концепции социально-экологического метаболизма // Вестник славянских культур. 2021. Т. 60. С. 30–41. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-60-30-41>

Концепция социально-экологического метаболизма (СЭМ) общественных систем довольно активно разрабатывается в западной [16–18], а в последнее время и в российской [4; 14–15] науке. В основе ее лежит представление о развитии созданных человеком территориальных систем как о постоянном вещественно-энергетическом обмене между природой и обществом, осуществляющемся, согласно О. Н. Яницкому, по определенному алгоритму, укладываемому в четыре последовательных этапа: аккумуляция «веществ», их преобразование в ходе разложения «веществ» на простые и одновременного образования и потребления сложных «веществ»; выброс отходов в окружающую среду; их последующая трансформация [15, с. 21].

Наиболее перспективные эвристические возможности концепции, как правило, связываются с анализом развития современных городов. Однако, как отмечает все тот же О. Н. Яницкий, концепция городского метаболизма довольно последовательно эволюционировала от изучения энергетических обменов к социальным: «Наиболее длинная метаболическая цепь — это его (города. — В. Б., Г. Г., Ж. Ш.) энергетические трансформации <...>. Поэтому энергетический обмен стал изучаться раньше всего. Затем идут все производственные процессы. Потом — все пищевые цепи, осуществляемые человеком и всеми видами других живых организмов. Далее — сама городская среда, включая воздушное, земное и подземное пространство, затем ее взаимодействие с окружающей средой. Сегодня города — узлы социальных коммуникаций. Важность познания их социального метаболизма социологи поняли еще в 1960-х гг., <...> однако это направление метаболических исследований в полной мере возродилось лишь в начале 2010-х гг.» [14, с. 16].

Мы полагаем, что сегодня актуализируется проблема использования концепции социально-экологического метаболизма для анализа изменений, совершающихся в городской культуре. Цель данной статьи заключается в выявлении эвристического потенциала концепции СЭМ для исследования тенденций развития современной

городской культуры. Эмпирическую базу работы составляют результаты социологического исследования «Социокультурные следствия формирования урбанизированных социобиотехнических систем», проведенного в городах Белгородской области в январе 2020 г. Исследование включало в себя анкетный опрос городского населения по методике квотной выборки ($n = 500$) и экспертный опрос ($n = 30$).

Постановка и решение заявленной в статье проблемы требуют ответа на два вопроса. Первый: в чем заключается необходимость обращения к инструментарию социально-экологического метаболизма для анализа состояния и динамики современной городской культуры? Второй: насколько возможен подобный ракурс исследования такого сложного и специфического явления, как культура?

Попытка ответить на первый из них связана с формированием представления о специфике социокультурной динамики современного города. В ней довольно явно выделяются два аспекта. Первый связан с характером взаимоотношений города как единого организма и внешней, неурбанизированной среды. Довольно очевидно, что в настоящее время (как, впрочем, практически всегда) город во многих отношениях доминирует над селом, что выражается в отмеченном еще П. Бурдье неравенстве социальных топосов в отношении распределения различных видов капитала, благ и услуг [2, с. 40]. Это неравенство проявляется не только в «реальности первого порядка», связанной с физическим пространством и распределением материальных ресурсов, но и, как отмечает И. Н. Трофимова, в «реальности второго порядка», существующей в сознании людей [12, с. 62]. В результате возникает своего рода асимметрия диспозиций ценностных систем, заключающаяся в том, что «городская» (если быть предельно точным, то «городские», поскольку городское пространство является местом сосуществования различных субкультур) становится эталонной для большинства не только жителей города, но сельской местности. А поскольку культура основана на системе ценностей, городские культурные практики приобретают нормативное значение и для селян, становятся массовыми, а урбанизм — привычным образом жизни [8, с. 8].

Однако нельзя не учитывать, что, доминируя над неурбанизированной средой, город постоянно приватизирует или, по выражению В. Л. Глазычева, «втягивает» в себя среду обитания [3, с. 210]. При этом для современных городов характерна высокая интенсивность приватизации внешней среды, выражающаяся в образовании агломераций и субурбий. Этот процесс с неизбежностью охватывает область культуры, в которой он протекает далеко не однонаправленно. Город не только предлагает (а порой прямо навязывает) селу свои культурные образцы и стандарты поведения, но буквально впитывает в себя некоторые элементы сельских субкультур через включение в городское пространство созданных в сельской местности артефактов, и — в еще большей степени — через превращение сельских жителей в горожан. Часть присущих им социокодов поведения, закрепленных прежде всего в бытовых культурных практиках, сохраняют свое значение и в городских условиях.

Перенос в город элементов сельских поведенческих моделей имел место всегда, а в отдельные периоды российской истории (например, в ходе индустриализации 30-х гг. XX в.) он был, очевидно, даже более интенсивным, чем в настоящее время. Однако нельзя не заметить, что прежде сама сельская культура была относительно однородной, что позволяло относительно легко идентифицировать как ее носителей в городском пространстве, так и последствия сохранения ими традиционных сельских поведенческих практик. Современность характеризуется нарастанием субкультурной неоднородности российского села.

Специалисты считают возможным «говорить о существовании в рамках поселений нескольких относительно слабо связанных между собой «культур»:

- 1) *«культуры» коренных жителей*, ведущих привычный инерционный образ жизни, основанный на занятости в бюджетной сфере и в управлении, в местном бизнесе выживания и на пенсии;
- 2) *сезонной «культуры» дачников и помещиков*, в основном обеспечиваемой ресурсами за счет импорта из городов...;
- 3) *«культуры» местных людей*, находящихся в отходе, и людей, скрыто занятых (и членов их семей). Она основана на ресурсах, которые привозят отходники и зарабатывают те, кто официально числится безработными» [9, с. 11].

Но город выстраивает свое взаимодействие с внешней средой не только с ориентацией на село. Оно включает в себя и межгородские коммуникации. «Втягивающая» (экстрактивная) функция города проявляется и в том, что крупные города притягивают к себе человеческие и иные ресурсы из средних и малых. Эти процессы становятся все более интенсивными и, вполне естественно, содержат в себе значительную культурную составляющую, поскольку межгородская миграция ведет к обмену ценностями, образцами поведения и символами.

Многообразие агентов-носителей внешних (сельских и городских) субкультур, так или иначе включающихся в городской социокультурный процесс, делает его предельно разноплановым и внутренне противоречивым, что требует глубокого анализа, основанного на применении методологии различных наук, поскольку это включение осуществляется через различные сферы. Их функционирование далеко не всегда может быть адекватно осмыслено исключительно в рамках традиционной социально-гуманитарной парадигмы.

Достаточно обратить внимание на то, что культурный обмен между городом и внешней средой все чаще реализуется через Интернет, функционирование которого определяется одновременно по правилам техно- и социосферы. Показательно в данной связи, что в ходе нашего исследования 50,8% респондентов указали: основную информацию о культурной жизни они получают именно через Интернет. Телевидение является источником такой информации для 46,6% горожан; друзья и знакомые — для 32,6%; газеты и журналы — для 27,4%. Примечательно, что работники учреждений культуры выступают в качестве источников информации лишь для 12,4% жителей города.

В социокультурном взаимодействии города с внешней, особенно с неурбанизированной, средой все более значимой становится социэкологическая проблематика, в значительной мере «заостренная» на здоровьесбережение. Экология постепенно, но неуклонно превращается в существенный фактор, формирующий культуру здоровья горожан, 47% из числа которых, как показало проведенное нами исследование, не удовлетворены экологической ситуацией в своем городе. Полученные нами данные в этом случае довольно точно коррелируют с результатами исследования Левада-центра в 2019 г., показавшими, что 49% россиян фиксируют ухудшение положение дел в сфере экологии [6].

Можно предположить, что в современной городской среде формируются предпосылки для утверждения феномена экологической идентичности, которую можно рассматривать как способ преодоления порожденной культурой пропасти между человеческим и природным началом. Она будет иметь как социопсихоантропологическую, так и коммуникационную природу и формироваться во взаимодействии с внешними

контрагентами, которое может приобретать конфликтный характер, что, в частности, подтверждают события, связанные с протестами в связи с организацией вывоза и переработки городского мусора. Безусловно, этот процесс осуществляется довольно непоследовательно и противоречиво. Отметим, что в ходе проведенного нами исследования эксперты дали самую низкую оценку значения фактора экологизации для развития городской культуры (средний балл составил 4,79 из 10 максимально возможных; для сравнения — средний балл оценки фактора коммерциализации составил 6,66). И действительно, только 18,4% респондентов — жителей городов — называют в качестве признаков, по которым, по их мнению, можно определить сегодня культурного человека, заботу об окружающей среде. Лишь 36,6% опрошенных убеждены, что за последние 3–5 лет отношение большей части горожан к окружающей среде в той или иной мере улучшилось, при этом 20,2% полагают — улучшилось незначительно.

Тем не менее можно утверждать, что при всех издержках данного процесса актуальность анализа состояния и динамики современной городской культуры в контексте парадигмы социально-экологического метаболизма все более определяется расширением пространства взаимодействия города с внешней средой, состава контрагентов и проблематики.

Второй, внутренний, аспект применения концепции СЭМ для исследования функционирования урбанизированной культуры связан с решением двух проблем. Первая заключается в ответе на вопрос о возможности представлять данный процесс как движение от усвоения и переработки исходного исключительно многообразного по своему содержанию (к области культуры традиционно относят самый различный перечень артефактов и духовных феноменов) информационного контента к его переработке, использованию и отбрасыванию части в виде отходов (мусора). При этом наиболее спорным в данной цепочке рассуждений является именно тезис о культурном мусоре.

Само использование понятий «отходы», «отбросы» и «мусор» применительно к культуре кажется на первый взгляд недопустимым. Под мусором обычно понимают подлежащие утилизации вещественные результаты человеческой деятельности. Однако еще Ж. Бодрийяр обосновывал необходимость «модифицировать и расширить» понятие отбросов применительно к городу, заявляя: «Материальные, количественные отбросы, образующиеся вследствие концентрации промышленности и населения в больших городах, — это всего лишь симптом качественных, человеческих, структурных отбросов, образующихся в результате предпринимаемой в глобальном масштабе попытки идеального программирования, искусственного моделирования мира, специализации и централизации функций (современная метрополия очевидным образом символизирует этот процесс) и распространения по всему миру этих искусственных построений» [1]. Еще более расширительно трактует мусор М. Дуглас, определяя его как «побочный продукт систематического упорядочивания и классификации материи <...> реакция, забраковывающая любой предмет или идею, которая может нарушить или опровергнуть заветные классификации» (цит. по: [8]).

Правда, следует отметить, что Ж. Бодрийяр связывал феномен городских отходов из области культуры исключительно с явлениями, порождающими безразличие и взаимную ненависть: «Итак, наша культура превратилась в производство отходов. Если другие культуры, в результате простого обменного цикла, производили некий излишек и порождали культуру излишка (в виде нежеланного и проклинаемого дитяти), то наша культура производит огромное количество отбросов, превратившихся в настоящую

меновую стоимость. Люди становятся отбросами своих собственных отбросов — вот характерная черта общества, равнодушного к своим собственным ценностям, общества, которое самое себя толкает к безразличию и ненависти» [1].

В сущности, в данном случае он лишь продолжал традицию, идущую еще от Г. Зиммеля. Он в свое время подчеркивал, что жизнь в большом городе характеризуется замкнутостью людей, в основе которой «лежит не только безразличие, но и, — гораздо чаще, чем мы это сознаем, — некоторое отвращение, взаимная отчужденность и отдаленность, которые при первом более близком соприкосновении тотчас переходят в ненависть и борьбу» [5].

В рамках данного подхода городским культурным мусором следует считать все то, что создано людьми, но является, если можно так выразиться, «социально токсичным». То есть стимулирует процесс, который современные исследователи определяют как социальная дизъюнкция, понимая под нею процесс «расстройства, рассогласования и распада интеграционных средств, сопровождающийся ослаблением консолидационных потоков и проблематизацией основной цели интеграции — социального воспроизводства общества» [7, с. 11].

Мы полагаем, что понятие городского культурного мусора может и должно быть расширено применительно к социокультурной сфере, тем более что, как показало наше исследование, 73,3% экспертов считают его применение допустимым в отношении некоторых продуктов культурной деятельности в городе. Правда, при этом эксперты заметно разошлись во мнениях относительно критериев выделения мусора. 63,6% из тех, кто считает допустимым использование понятия, относят к ним низкое эстетическое содержание; 45,5% — деструктивное воздействие на общество; 45,5% — неспособность обеспечить воспроизводство и развитие личности; 18,8% — невостребованность большей частью городского сообщества.

Причины подобных разночтений вполне объяснимы. Несомненно, мусор состоит из самых различных фракций, часть из которых действительно социально токсична. Их вполне можно определить как отбросы, требующие специфической утилизации. Но мусор также включает продукты культурной деятельности, которые просто оказались по тем или иным причинам не востребованными в данной конкретной ситуации. Они не подлежат утилизации, но могут быть складированы (сохранены) и использованы в будущем. Наглядным примером складирования является размещение в запасниках музеев произведений искусства.

Таким образом, городской культурный мусор допустимо определить как не востребованные в данный момент или же потенциально и реально деструктивные продукты жизнедеятельности урбанизированного сообщества, сформировавшиеся в социокультурной сфере. Безусловно, отнесение продуктов культурных практик к категории мусора, особенно к его социально токсичной фракции, во многом субъективно, поскольку связано с определением социальной нормы, а в силу высокого уровня субкультурной дифференциации городских сообществ и характерной для российской реальности социальной аномии, эти нормы не являются безусловными. Однако, на наш взгляд, это не означает отказа от самого принципа идентификации культурного мусора. Дело заключается скорее в том, чтобы городское сообщество вырабатывало, устанавливало (прежде всего на основе конвенции) и применяло критерии оценки многообразных продуктов культурной деятельности.

Отдельного внимания, безусловно, заслуживает проблема утилизации деструктивных отходов (отбросов). В отношении артефактов, предполагающих наличие мате-

риальных носителей, она решается довольно просто. Городские сообщества, признавая это или нет, постоянно используют эти практики (сносятся архитектурные сооружения, памятники, уничтожаются граффити). И кстати, осуществляется это зачастую произвольным решением городских чиновников, не задумывающихся над проблемой критериев культурной селекции.

Сложнее обстоит дело с объектами духовной культуры. Однако общество достаточно давно изобрело и широко использует метод их утилизации посредством ценностной девальвации, т. е. дискредитации, которая нередко осуществляется косвенно и формально гуманно. Ж. Бодрийяр в данной связи подчеркивал, что современная урбанизированная цивилизация применяет «терапевтическое, генетическое, коммуникационное насилие — насилие, рожденное консенсусом и вынужденным общежитием, своего рода косметическая хирургия социальности» [1].

Вторая проблема, возникающая при рассмотрении внутреннего аспекта применения концепции СЭМ для исследования функционирования урбанизированной культуры, связана с определением степени и характера влияния на нее техносферы. Исследователи отмечают наличие здесь сложных, но, несомненно, существующих зависимостей. Так, А. А. Никонова пишет: «Изменение основных характеристик современной цивилизации связано с формированием техногенной среды (техносферы), основной особенностью которой является постоянная смена ее внутренних оснований, или генерирование новых образцов, идей, концепций. В то же время культурная компонента техносферы опосредована генотипом социального поведения и наличием новых смысловых ценностей жизни социума, что оказывает заметное влияние на характер взаимодействия природной среды и человеческого сообщества. Именно техносфера сегодня становится одним из условий самоидентификации общества, когда общество узнает себя в новых характеристиках самой техносферы» [11].

Техника и технологии, прежде всего цифровые технологии, все более влияют на развитие искусства. О. А. Чепурова, например, фиксирует данное обстоятельство применительно к театру: «Банальностью будет говорить о том, что цифровые технологии на сегодняшний день играют решающую роль в создании продукта визуального искусства. Театр, как наиболее синтетический его вид, естественно, ими не пренебрегает» [13]. И вполне обоснованно исследователи все чаще считают возможным и необходимым рассматривать проблематику технологической эволюции искусства как весьма перспективную для социально-гуманитарных разработок [10].

Это нашло подтверждение и в ходе нашего исследования. В частности, эксперты дали довольно высокую оценку значимости фактора технологизации культуры для ее развития (6,07 из 10 максимально возможных). 40% из их числа отнесли к особенностям современной городской культуры массовое использование информационных технологий и гаджетов.

Несомненно, процесс технологизации городской культуры неоднозначен по своим следствиям. Примечательно в данной связи, что 43,4% горожан полагают: массовое применение информационных технологий и гаджетов не сделало культуру более востребованной; противоположной точки зрения придерживаются только 36,6% респондентов, усматривая основные издержки этого процесса в росте объемов некачественной и недостоверной информации, культурного «мусора» (58,1%) и деградации традиционных форм создания и потребления культурных ценностей (33,6%).

Тем не менее тенденция технологизации сферы культуры, очевидно, будет сохранять свое значение в исторической перспективе. При этом внедрение технологий в социокультурный процесс будет менять не только его условия и возможности потреб-

ления результатов культурного творчества, но и модифицировать содержание культурной деятельности. Оценить характер этих изменений вряд ли возможно в рамках традиционных для социально-гуманитарного знания парадигм. И, очевидно, следует согласиться с выводом О. Н. Яницкого, который пишет: «Современный мир становится все более интегрированным благодаря процессам глобализации-информатизации. Он представляет собой СБТ-систему высокой сложности. Она создается невидимыми простому глазу социальными, технологическими и биохимическими метаболическими процессами. Если гуманитарные науки не учтут этот новый уровень сложности глобальной динамики, то они рискуют выпасть из процесса его познания и регулирования» [14, с. 8].

Обращение к концепции СЭМ при исследовании городской культуры является в данном контексте попыткой найти новые основания для изучения актуальных проблем ее развития. Анализ социокультурной проблематики в контексте представлений о городе как сложной социобиотехнической системе, функционирующей по модели метаболизма, позволяет выявить специфику ее культурного взаимодействия с внешней средой; рассмотреть культурный процесс как создание, преобразование и потребление культурных артефактов, информации и идей; определить контуры проблемы культурного мусора; выявить значение фактора технологизации культуры для ее саморазвития и самоорганизации. Разумеется, это не означает, что применение концепции СЭМ в отношении исследования культуры лишено ограничений, обусловленных как спецификой объекта, так и предубеждениями, сформировавшимися в традиционной культурологии. Однако это означает лишь то, что необходимо анализировать эти ограничения и в процессе дискуссий находить возможности их преодоления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Бодрийяр Ж.* Город и ненависть // Логос. 1997. № 9. С. 107–116. URL: <https://ruthenia.ru/logos/number/1997-9.htm> (дата обращения: 17.02.2020).
- 2 *Бурдые П.* Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. 336 с.
- 3 Глазычев В. Л. Город без границ. М.: Издат. дом «Территория будущего», 2011. 400 с.
- 4 *Ермолаева П. О., Башева О. А., Яницкий О. Н., Ермолаева Ю. В., Кузнецова И. Б.* Социально-экологическая «устойчивость через изменения» российских городов: поиск теоретико-методологических перспектив // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 2. С. 80–94. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.04>
- 5 *Зиммель Г.* Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. № 3 (34). URL: <https://ruthenia.ru/logos/number/34/02.pdf> (дата обращения: 17.03.2020).
- 6 Изменения и оценки уходящего года // Левада-центр (Аналитический центр Юрия Левады). URL: <https://www.levada.ru/2019/12/23/izmeneniya-i-otsenki-uhodyashhego-goda/> (дата обращения: 17.03.2020).
- 7 *Кармадонов О. А.* Солидарность, интеграция, конъюнкция // Социологические исследования. 2015. № 2. С. 3–12.
- 8 *Кларк Д. Б.* Потребление и город, современность и постсовременность // Логос. 2002. № 3 (34). URL: <https://ruthenia.ru/logos/number/34/03.pdf> (дата обращения: 17.03.2020).
- 9 *Кордонский С. Г., Плюснин Ю. М., Крашенинникова Ю. А. и др.* Российская провинция и ее обитатели (опыт наблюдения и попытка описания) // Мир России. 2011. Т. 20, № 1. С. 3–33.

- 10 Королева Л. А. Цифровая эволюция искусства: социо-культурный анализ в контекстах философии и культуры постмодерна // Культура и технологии. 2018. Т. 3, вып. 1–2. С. 20–28. URL: <http://cat.ifmo.ru/ru/2018/v3-i1/128> (дата обращения: 17.02.2020).
- 11 Никонова А. А. Гуманитарные ориентиры техногенной среды // Культура и технологии. 2017. Т. 2, вып. 2–3. С. 38–43. URL: <http://cat.ifmo.ru/ru/2017/v2-i3/116> (дата обращения: 17.02.2020).
- 12 Трофимова И. Н. «Мегаполис» и «глубинка» как модели ценностных ориентаций и политических установок россиян // Социологическая наука и социальная практика. 2014. № 3 (7). С. 60–78.
- 13 Чепурова О. А. Цифровые технологии как инструмент реконструкции театрального события // Культура и технологии. 2017. Т. 2, вып. 4. С. 97–104. URL: <http://cat.ifmo.ru/ru/2017/v2-i4/124> (дата обращения: 17.02.2020).
- 14 Яницкий О. Н. К проблеме модернизации гуманитарного знания // Социологическая наука и социальная практика. 2018. Т. 6, № 1 (21). С. 7–22.
- 15 Яницкий О. Н. Метаболическая концепция современного города // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 3. С. 16–32.
- 16 Kennedy C. A., Cuddihy J., Engel Yan J. The changing metabolism of cities // Journal of Industrial Ecology. 2007. Vol. 11. Issue 2. P. 43–59. <http://dx.doi.org/10.1162/jie.2007.1107>
- 17 Tarr J. A. The Metabolism of an industrial city: the case of Pittsburgh // Journal of Urban History. 2002. Vol. 28. № 5. P. 511–545. <https://doi.org/10.1177/0096144202028005001>
- 18 Warren-Rhodes K., Koenig A. Escalating trends in the urban metabolism of Hong Kong: 1971–1997 // Ambio. 2001. № 30 (7). P. 429–438. [http://dx.doi.org/10.1639/0044-7447\(2001\)030\[0429:ETITUM\]2.0.CO;2](http://dx.doi.org/10.1639/0044-7447(2001)030[0429:ETITUM]2.0.CO;2)

***

© 2021. Valentin P. Babintsev
Belgorod, Russia

© 2021. Galina N. Gaidukova
Belgorod, Russia

© 2021. Zhanna A. Shapoval
Belgorod, Russia

**DEVELOPMENT OF MODERN URBAN CULTURE
WITHIN THE DISCOURSE OF
SOCIO-ECOLOGICAL METABOLISM CONCEPTION**

Acknowledgments: The paper was performed with financial support of the RFBR under scientific project “Socio-cultural consequences of the formation of urbanized socio-biotechnical systems” (No. 19-011-00345).

Abstract: The purpose of the paper is to identify heuristic potential of socio-ecological metabolism (SEM) conception for the studying of trends in the development of modern

urban culture. Modern city is considered in terms of the conception as an open socio-biotechnical system, whose changes are of a metabolic nature, so that they are carried out in four consecutive stages: accumulation of “substances”, their transformation during the decomposition of “substances” into simple ones and simultaneous formation and consumption of complex “substances”; release of waste into environment; their subsequent transformation. Empiric basis of the work consists of the results of sociological study “Socio-cultural consequences of the formation of urbanized sociobiotechnical systems”, conducted in the cities of the Belgorod region in January 2020. The study included a questionnaire survey of the urban population using the quota sampling method (n = 500) and an expert survey (n = 30). The authors determined the range of issues urban culture development, which can be solved by applying the concept of SEM. These include: analysis of material and energy exchange in terms of city culture and environment; assessment of the impact factors of technologization and ecologization on urban culture development; study of urban cultural garbage phenomenon, which at the moment are unclaimed or potentially and de facto destructive waste products of the urban community, emerged in the socio-cultural sphere.

Keywords: city, urban environment, urbanized environment, urban culture, socio-ecological metabolism, cultural garbage, ecology, culture technologization.

Information about the authors:

Valentin P. Babintsev — DSc in Philosophy, Professor, Belgorod State National Research University, Pobedy St., 85, 308015 Belgorod, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0112-6145>. E-mail: babintsev@bsu.edu.ru

Galina N. Gaidukova — PhD in Sociology, Associate Professor, Belgorod State National Research University, Pobedy St., 85, 308015 Belgorod, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6300-9174>. E-mail: g_gaidukova@bsu.edu.ru

Zhanna A. Shapoval — PhD in Sociology, Associate Professor, Belgorod State National Research University, Pobedy St., 85, 308015 Belgorod, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8069-9274>. E-mail: shapoval@bsu.edu.ru

Received: March 17, 2020

Date of publication: June 28, 2021

For citation: Babintsev V. P., Gaidukova G. N., Shapoval Zh. A. Development of modern urban culture within the discourse of socio-ecological metabolism conception. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2021, vol. 60, pp. 30–41. (In Russian) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-60-30-41>

REFERENCES

- 1 Bodriiia Zh. Gorod i nenavist' [City and hatred]. *Logos*, 1997, no 9, pp. 107–116. Available at: <https://ruthenia.ru/logos/number/1997-9.htm> (accessed 17 February 2020). (In Russian)
- 2 Burd'e P. *Sotsiologiia politiki* [Sociology of politics]. Moscow, Socio-Logos Publ., 1993. 336 p. (In Russian)
- 3 Glazychev V. L. *Gorod bez granits* [City without borders]. Moscow, Izdatel'skii dom “Territoriia budushchego” Publ., 2011. 400 p. (In Russian)
- 4 Ermolaeva P. O., Basheva O. A., Ianitskii O. N., Ermolaeva Iu. V., Kuznetsova I. B. Sotsial'no-ekologicheskaiia “ustoichivost' cherez izmeneniia” rossiiskikh gorodov: poisk teoretiko-metodologicheskikh perspektiv [Social and environmental “sustainability through changes” of Russian mega-cities: the search for theoretical and methodological

- approaches]. *Monitoring obshchestvennogo mneniia: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, 2019, no 2, pp. 80–94. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.04> (In Russian)
- 5 Zimmel' G. Bol'shie goroda i dukhovnaia zhizn' [Big cities and spiritual life]. *Logos*. 2002. No 3 (34). Available at: <https://ruthenia.ru/logos/number/34/02.pdf> (accessed 17 March 2020). (In Russian)
- 6 Izmeneniia i otsenki ukhodiashchego goda [Changes and estimates of the outgoing year]. *Levada-tsentr (Analiticheskii tsentr Iurii Levady)* [Levada Center (Analytical Center of Yuri Levada)]. Available at: <https://www.levada.ru/2019/12/23/izmeneniya-i-otsenki-uhodyashhego-goda/> (accessed 17 March 2020). (In Russian)
- 7 Karmadonov O. A. Solidarnost', integratsiia, kon'iunktsiia [Solidarity, integration, conjunction]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2015, no 2, pp. 3–12. (In Russian)
- 8 Klark D. B. Potreblenie i gorod, sovremennost' i postsovremennost' [Consumption and the city, modernity and postmodernity]. *Logos*. 2002. No 3 (34). Available at: <https://ruthenia.ru/logos/number/34/03.pdf> (accessed 17 March 2020). (In Russian)
- 9 Kordonskii S. G., Pliusnin Iu. M., Krashennikova Iu. A. i dr. Rossiiskaia provintsiia i ee obitateli (opyt nabliudeniia i popytka opisaniia) [The Russian province and its inhabitants (experience of observation and attempt at description)]. *Mir Rossii*, 2011, vol. 20, no 1, pp. 3–33. (In Russian)
- 10 Koroleva L. A. Tsifrovaia evoliutsiia iskusstva: sotsio-kul'turnyi analiz v kontekstakh filosofii i kul'tury postmoderna [Digital evolution of art: socio-cultural analysis in the context of postmodern philosophy and culture]. *Kul'tura i tekhnologii*, 2018, vol. 3, issue 1–2, pp. 20–28. Available at: <http://cat.ifmo.ru/ru/2018/v3-i1/128> (accessed 17 February 2020). (In Russian)
- 11 Nikonova A. A. Gumanitarnye orientiry tekhnogennoi sredy [Humanitarian reference points of the technogenic environment]. *Kul'tura i tekhnologii*, 2017, vol. 2, issue 2–3, pp. 38–43. Available at: <http://cat.ifmo.ru/ru/2017/v2-i3/116> (accessed 17 February 2020). (In Russian)
- 12 Trofimova I. N. “Megapolis” i “glubinka” kak modeli tsennostnykh orientatsii i politicheskikh ustanovok rossiian [“Megapolis” and “hinterland” as models of value orientations and political attitudes of Russians]. *Sotsiologicheskaiia nauka i sotsial'naia praktika*, 2014, no 3 (7), pp. 60–78. (In Russian)
- 13 Chepurova O. A. Tsifrovye tekhnologii kak instrument rekonstruktsii teatral'nogo sobytiia [Digital technologies as a tool for reconstructing a theatrical event]. *Kul'tura i tekhnologii*, 2017, vol. 2, issue 4, pp. 97–104. Available at: <http://cat.ifmo.ru/ru/2017/v2-i4/124> (accessed 17 February 2020). (In Russian)
- 14 Ianitskii O. N. K probleme modernizatsii gumanitarnogo znaniia [On the issue of modernizing humanitarian knowledge]. *Sotsiologicheskaiia nauka i sotsial'naia praktika*, 2018, vol. 6, no 1 (21), pp. 7–22. (In Russian)
- 15 Ianitskii O. N. Metabolicheskaiia kontseptsiiia sovremennogo goroda [Metabolic concept of the modern city]. *Sotsiologicheskaiia nauka i sotsial'naia praktika*, 2013, no 3, pp. 16–32. (In Russian)
- 16 Kennedy C. A., Cuddihy J., Engel Yan J. The changing metabolism of cities. *Journal of Industrial Ecology*, 2007, vol. 11, issue 2, pp. 43–59. <http://dx.doi.org/10.1162/jie.2007.1107> (In English)
- 17 Tarr J. A. The Metabolism of an industrial city: the case of Pittsburgh. *Journal of Urban History*, 2002, vol. 28, no 5, pp. 511–545. <https://doi.org/10.1177/0096144202028005001> (In English)

- 18 Warren-Rhodes K., Koenig A. Escalating trends in the urban metabolism of Hong Kong: 1971–1997 // *Ambio*, 2001, no 30 (7), pp. 429–438. [http://dx.doi.org/10.1639/0044-7447\(2001\)030\[0429:ETITUM\]2.0.CO;2](http://dx.doi.org/10.1639/0044-7447(2001)030[0429:ETITUM]2.0.CO;2) (In English)